

Скорее всего, чтобы похвастаться или унижить, Цзянь Дунлинь, уверенный в своем успехе, подошел и скромно остановился перед Се Синчжоу:

— Мое прослушивание прошло так себе. Режиссер Ван сказал, что у меня нет актерского таланта, только в пении пекинской оперы я еще могу кое-что показать. Но если говорить о пекинской опере, ты учился лучше меня, дедушка всегда тебя хвалил.

— Ты должен постараться, Синчжоу, я уверен, что ты лучше меня.

Но в итоге ты не получишь роль.

Се Синчжоу понял скрытый смысл его слов и, смотря сверху вниз, бросил:

— Я все еще спрашиваю: почему?

Почему ты меня так ненавидишь?

Цзянь Дунлинь очень хотел сказать ему, что потому что у вас все есть, а как бы он ни старался, всегда оказывается на шаг позади. Это так обидно, и только если вы исчезнете, он почувствует, что сияет.

Но такие слова...

Как можно такое говорить?

— Я не понимаю, о чем ты, и мне нечего тебе объяснять. Смотри, все ждут тебя, иди скорее, — Цзянь Дунлинь быстро ушел, его бег напоминал бегство.

Се Синчжоу посмотрел ему вслед, поправил воротник и неспешно вошел.

— Се Синчжоу, какую роль ты хотел бы сыграть?

Все, кто приходил сюда, пробовались на роль Юйшаня, и Се Синчжоу должен был быть одним из них. Но раз уж Су Сянь сделал его потенциальным клиентом, ради клиента он должен был сказать пару слов. Поэтому Ван Юй задал этот вопрос и внимательнее посмотрел на человека перед ним.

Бежевое пальто, белая рубашка, лицо красивое и изысканное, с врожденной интеллигентностью. Он идеально подходил для роли наставника Наследного принца, полностью затмевая уже утвержденного актера.

— Ты мог бы попробовать наставника, — Ван Юй, ценя талант, предложил.

Се Синчжоу искоса взглянул на него и ответил, изменив голос:

— Нет, спасибо, я все же хочу попробовать Юйшаня.

Юйшань, актер пекинской оперы, человек, которому сама судьба подарила талант, мог играть как мужские, так и женские роли. Его голос был андрогинным, а благодаря многолетнему пению в нем была особая мелодичность, которая звучала как кокетство, с крючком, который заставлял чиновников тратить на него целые состояния.

Как только Се Синчжоу заговорил, Ван Юй понял, что это должен быть он.

И голос, и взгляд пронзали время и пространство, останавливаясь на Юйшане. Каждое движение было как картина, и Ван Юй, глядя на него, чувствовал, как кровь закипает в жилах. Ему казалось, что он сам стал чиновником, пробирающимся через толпу, с потом на лице, только чтобы увидеть, как тот обернется под белой персиковой ветвью.

— Я ухожу, не приходите больше, — он улыбнулся и повернулся, чтобы уйти.

Длинные одежды развевались, и с каждым движением осыпались лепестки персика. Аромат цветов, красота человека, но его глаза были холодны, в бровях читалась отстраненность, и, свернув за угол длинного павильона, он исчез.

Как самый роскошный сон, как император Тан, увидевший Ян Гуйфэй, Ван Юй почувствовал пустоту в сердце.

Он вскочил, стукнув по столу, и стакан упал на пол с грохотом, словно гром, от которого у него по спине побежали мурашки.

Как бы банально это ни звучало, его игра вызвала мурашки, он был настоящим сокровищем, но что с того? Сила капитала обрушилась на них, как гора, заставляя простых работников склоняться перед ней.

— Ну, это... довольно неплохо, — Ван Юй солгал, соврав своей совестью. — Выйди, я подумаю.

Се Синчжоу:

— Хм.

Он ушел без лишних слов.

Даже после его ухода в зале для прослушивания царила тишина, все еще не могли прийти в себя, полностью погрузившись в то, как его игра ошеломила всех.

— Решай, Ван Юй, он последний, ты столько людей посмотрел, ты еще не знаешь, кого выбрать? — продюсер с сожалением посмотрел на дверь. — Ну, ничего, но он даже не следовал сценарию прослушивания, не мог сыграть по тексту, этот парень не подходит.

— Правильно, слепой ничего не видит, — сценарист был похож на бунтаря. — Я хочу снять хороший фильм, Юйшань — это мое детище, я не позволю вам его уничтожить!

— Так ты хочешь уничтожить меня? Или сразу весь сериал?

Продюсер тоже был зол:

— Мне тоже нелегко, я должен обеспечивать вас, требовательных господ, вы даже не представляете, сколько мест я должен обойти, сколько выпить! Семья Лу непобедима, даже семья Чэнь ушла со своим любимчиком, что значит Се Синчжоу? Вы не понимаете всех тонкостей, так что не лезьте, ведите себя прилично.

[Добавь меня в WeChat, закажи мемы: Уже решено, Цзянь Дунлинь сыграет Юйшаня, а роль наставника отдадут Бай Чэну, любовнику семьи Чэнь.]

[Плывущий против течения: Бай Чэн?]

[Добавь меня в WeChat, закажи мемы: Да, это тот самый популярный актер, симпатичный, но

не очень талантливый. Свеча за наставника.]

Се Синчжоу молчал, погружившись в размышления.

Бай Чэн — хотя он никогда его не видел, но слышал о нем много раз, ведь в прошлой жизни он был тем, кто сыграл Юйшаня. Тогда он несколько раз ссорился с Цзянь Дунлинем из-за роли наставника, но, в конце концов, из-за Лу Жуня ему пришлось отступить. В этой жизни некоторые вещи остались прежними, но теперь Цзянь Дунлинь столкнулся с ним, и лакомый кусок достался Бай Чэну.

Быть вытесненным этими двумя было неприятно, но, в конце концов, он был взрослым человеком, и как бы ни злился, жизнь продолжалась. В прошлой жизни он тоже не получил эту возможность, и если в этой все повторится, он сможет смириться...

Как бы не так!

Даже если Се Синчжоу вырос и стал взрослым, ощущение, что его вытеснили «сверху», было крайне неприятным. Это было невозможно контролировать, ведь даже у самого терпеливого человека есть предел.

Се Синчжоу немного помолчал, а затем вспомнил кое-что — запись его разговора с Лу Жунем, когда они расставались.

Тогда он записал этот разговор для самозащиты, на случай, если Лу Жунь попытается его подставить, и у него не будет доказательств. Он не собирался использовать эту запись для чего-то другого, ведь после расставания рвать отношения было уже некрасиво. Но теперь, увидев, как ведут себя Цзянь Дунлинь и другие, Се Синчжоу понял, что стоит дать отцу послушать эту запись.

Он не знал, в чем причина их ненависти к семье Се и есть ли шанс на спасение, но подготовиться заранее было полезно.

Ведь семья Се все же уступала семье Лу, и хотя раньше он не хотел этого признавать, теперь, получив пощечину, он понял, что даже ослабевший верблюд все еще велик. Если его отец столкнется с ними, единственный шанс — это неожиданность.

Се Синчжоу не стал ничего добавлять, просто передал запись отцу по телефону.

Он был сосредоточен и не заметил, как дверь комнаты открылась.

— Папа, это запись моего разговора с Лу Жунем, когда мы расставались. Суди сам, я просто хочу, чтобы ты был осторожен.

Се Лоу:

— Хм.

Прожив столько лет и управляя компанией, Се Лоу не мог не понять, что скрывалось в этой записи. В семье Лу были проблемы, и им нужна была поддержка новых сил. Хотя это тщательно скрывалось, Се Лоу, как будущий тесть, слышал кое-какие слухи. Раньше, когда Лу Жунь встречался с его сыном, и они планировали свадьбу, он мог бы помочь семье Лу. Но теперь...

Этот 24-каратный подлец не только изменил, но еще и хотел свалить вину на его малыша? Какая же это подлость! Если он не разорвет его на части, Се Лоу съест свою клавиатуру в прямом эфире!

Се Лоу был в ярости, но также не упустил из виду слова Лу Жуня.

«Ты хочешь избавиться от своего брата, ты его ненавидишь.»

Се Лоу хорошо знал, каков его сын. С самого детства Се Синчжоу любил своего брата, и даже если бы это было не так, он бы изменил свой характер.

«Семья должна быть семьей» — это было любимое выражение старого господина Се. — В семье должен быть мир, ведь с внешними проблемами и так достаточно сложно. Если дома приходится ходить по лезвию ножа, лучше я переломаю вам ноги! — Старый господин Се был одержим идеей ломать ноги, и чтобы не доставлять ему неприятностей, все в семье вели себя прилично.

Се Синчжоу был младшим и особенно послушным.

<http://bllate.org/book/16426/1488773>